

Н. Воронович

Русско-японская война

ВОСПОМИНАНИЯ

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Воронович**
Русско-японская война: воспоминания / Н. Воронович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2014. – 78 с.

ISBN 978-5-518-02402-1

ISBN 978-5-518-02402-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ние основательно их позабыло.

Поэтому автор, бывший свидетелем деморализации манджурской армии, явившейся результатом мукденского поражения, и переживший в рядах этой армии дни охватившего ее уныния после нового, еще более тяжелого, поражения в Цусимском проливе, решает теперь опубликовать свои воспоминания об этом черном для русского оружия годе, записанные 47 лет тому назад.

Н. В о р о н о в и ч.
Нью Йорк.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Еще в начале 1904-го года, тотчас после объявления русско японской войны, я решил во чтобы то ни стало принять участие в этой войне. Но так как все мои попытки поступить в одну из частей действующей армии кончились неудачей, то в декабре месяце, воспользовавшись рождественскими каникулами, я "самовольно отлучился" из Пажеского корпуса и, имея на руках заблаговременно припасенное свидетельство об успешном окончании шести средних классов, которое давало права вольноопределяющегося 1-го разряда, определился каноником /рядовым/ в предназначенную к отправлению в действующую армию 16-ю артиллерийскую бригаду.

Корпусное начальство узнало об этом слишком поздно: я принял присягу, числился в списках мобилизованной части и вернуть меня на школьную скамью, без нарушения военных законов, было уже невозможно.

За этот "проступок" я был исключен из списков "пажей высочайшего двора", а через год, когда по приказу Государя я был снова принят в Пажеский корпус, то, несмотря на полученные мной за боевые отличия нашивки старшего фейерверкера /взводного унтер офицера/ и представление к Георгиевскому кресту, попал в карцер, в котором обиженное моим побегом начальство продержало меня 30 суток.

16-я артиллерийская бригада квартировала в городе Волковыске, Гродненской губернии, и входила в состав 6-го армейского корпуса. Будучи в 1904-м году перевооружена новыми скорострельными пушками, она была пере-

ведена в мобилизованный 4-й корпус и придана к 40-й пехотной дивизии.

К концу 1904 года, после ряда военных неудач, наше военное министерство поняло, наконец, что война с японцами дело не шуточное, что противник наш не только хорошо вооружен, но и достаточно многочислен и что для одержания над ним победы необходимо подкрепить манджурскую армию первоочередными частями. Поэтому в виленском, киевском, московском и одесском военных округах были мобилизованы 4-й, 9-й, 13-й и 2-й сводно-стрелковый корпуса. С этими корпусами состав манджурских армий доводится до 32-х пехотных дивизий, т.е. до 500 тысяч штыков, что признавалось тогда нашими военными авторитетами совершенно достаточным для одержания решительных успехов над японцами.

Но русское военное министерство не могло отрешиться от своего излюбленного метода всяких импровизаций и несоблюдения основных начал военной организации. И, если в первую половину японской войны на театр военных действий посылались наспех сколоченные, состоявшие исключительно из запасных старших возрастов, второочередные части, то во вторую половину кампании, при мобилизации первоочередных корпусов, как будто умышленно старались перетасовать части этих корпусов. Так в состав 4-го корпуса была переведена из 6-го корпуса наша 16-я артиллерийская бригада, в 16-й армейский корпус переведена из 20-го корпуса 28-я артиллерийская бригада, а саперный батальон и парковая бригада 4-го корпуса были взяты из корпусов соседнего - Варшавского округа.

Поэтому все наше высшее начальство - командир корпуса, начальник артиллерии и начальник дивизии - оказались совершенно неизвестными офицерам и солдатам нашей бригады и, в свою очередь, также не знали своих новых

подчиненных. Им приходилось наскоро знакомиться с состоянием и обучением личного состава бригады. Знакомство это происходило на ускоренных смотрах, весьма поверхностно.

В конце декабря я приехал в Волковыск и, явившись временно командующему бригадой был назначен в 5-ю батарею.

Весь старший командный состав бригады - командир, оба дивизионера и две трети батарейных командиров - также были вновь назначены и переведены из других бригад. Мой батарейный командир, подполковник Деггелер, только что прибыл из 40-й бригады и принимал батарею. Из офицеров батареи только один прослужил в ней несколько лет, второй был прикомандирован из академии Генерального штаба, третий и четвертый - только что произведены из юнкеров дополнительного курса артиллерийского училища, а пятый - призван из запаса. Получалось, что не только высшее начальство, но также средний и младший командный состав являлись в батарее людьми новыми и солдаты, идущие в бой, поступали под начальство совершенно незнакомых им офицеров.

Три четверти нижних чинов были запасные и притом самых старших сроков службы, по десяти и более лет не призывавшиеся на повторительные сборы, позабывшие все, чему их учили на действительной службе и совершенно не знавшие материальной части новых скорострельных пушек, которыми была вооружена бригада.

Таким образом, несмотря на печальные уроки первой половины войны, военное министерство с каким-то непонятным упрямством продолжало политику роковых ошибок. Вновь отправляемые на театр военных действий первоочередные части почти ничем не отличались по своей спаянности и боеспособности от отправленных в начале 1904 года в Манчжурию второочередных корпусов. И в тех и в других начальники были

новые, а большинство солдат - запасные старших сроков службы, плохо или совершенно необученные. Единственным преимуществом нашей "кадровой" батареи перед второочередными являлось наличие 13-ти кадровых фейерверкеров /унтер офицеров/ и 90 кадровых канониров /рядовых/. А в батарее по спискам числилось 28 фейерверкеров и 248 канониров, т.е. кадровые составляли всего 33 процента.

Командиры батарей /личный состав других батарей ничем не отличался от нашей/ сознавали эти дефекты и видели, что, не говоря уже о нижних чинах, даже офицерский состав не был достаточно подготовлен для войны. Но при суматохе мобилизации, когда все время батарейных командиров было поглощено вопросами хозяйственными, им некогда было заниматься обучением своих подчиненных.

Офицеры батареи приняли меня, единственного в бригаде вольноопределяющегося, очень радушно и по их инициативе командир предоставил мне место в офицерском вагоне, так что я совершил длинное путешествие с большим, по сравнению с солдатами, комфортом.

Наш командир, подполковник Деггелер, был пожилой, совершенно седой человек, более 25 лет прослуживший в захолустном гарнизоне западного края. Тяжелые условия службы отразились на его характере: он был угрюм, неразговорчив, а подчас - резок и груб. Кроме того он питал большое пристрастие к спиртным напиткам и почти всю дальнюю дорогу находился под винными парами.

Старший офицер батареи, штабс капитан Падейский, по собственному желанию откомандировался из академии Генерального штаба, чтобы принять участие в войне. Это был светский, начитанный, остроумный и веселый человек, общество которого доставляло всем большое удовольствие. Номинально он числился заведывающим хо-

зайством, но, так как Деггелер хотел сосредоточить в своих руках и строевую и хозяйственную часть, то Падейский охотно передал командиру фактическое ведение хозяйства, подписывая лишь для проформы разные ведомости и требования.

Поручик Митрофанов, добродушный толстяк, был единственным офицером, прослужившим три года в батарее, которого хорошо знали и любили солдаты.

Два подпоручика - Беляев и Пашков - не успели еще освоиться с новизной своего офицерского положения, любовались звездочками на своих погонах и прислушивались к "малиновому" звону савельевских шпор.

Из двух прапорщиков запаса на лицо был лишь один - 40 летний московский купчик Сахаров, принявший заведывание артельным довольствием /продовольствием солдат/. Должность эта привлекала прапорщика по двум причинам: во первых, избавляла его от опасностей строевой службы, во вторых, давала возможность скопить во время похода изрядную "экономку".

Сахаров оказался большим трусом и нытиком. При всяком удобном и неудобном случае он уверял собеседников, что непременно погибнет в Манджурии, если не от японской шимозы, то во всяком случае - от сердечной болезни. Весельчак Митрофанов предсказывал ему более прозаический конец на рогах "порционного" быка. Прапорщик отвечал на шутки Митрофанова сердитыми взглядами и продолжал охать, зараннее оплакивая горькую участь своих детей, которым суждено остаться сиротами.

Но предстоящие опасности не помешали Сахарову быстро сойтись с угрюмым командиром, с которым он вместе выпивал и сообща заведывал хозяйством батареи, деля с Деггелером "экономические остатки".

Еще задолго до погрузки батареи, Дегге-

лер и Сахаров, запершись в канцелярии, высчитывали возможности наиболее выгодных закупок фуража и продуктов. Они достали "справочные цены" из лежавших по нашему маршруту городов. Цены эти оказались на много выше существовавших в Волковыске и закупка овса, сена и мяса на месте могла принести большую "экономия". Поэтому в батарею началось лихорадочное заготовление фуража. Количество вагонов и платформ, предназначенных для перевозки батареи, было точно определено и рассчитано на самый минимальный запас фуража и продуктов. Деггелеру предстояла трудная задача: либо выхлопотать для заготовленных им громадных запасов добавочные вагоны, либо умудриться втиснуть их в теплушки, конские вагоны и на орудийные платформы. Но Деггелеру удалось обе комбинации. Начальник станции прицепил к эшелону лишний вагон под канцелярию, а фельдфебель, каптенармусы и взводные не только потеснили, в угоду командиру, людей в теплушках, но даже оставили в Волковыске часть так называемого "неприкосновенного артиллерийского запаса".

День отправки батареи был известен за две недели. Подвижной состав был подан за два дня и оба эти дня батарея свозила на вокзал и грузила обоз, фураж и продукты.

Погрузка орудий и лошадей происходила поздно вечером, перед самым отправлением эшелона. Наконец, к 10 часам вечера погрузка была закончена.

На платформе собрались провожающие - семьи и знакомые офицеров, представители города и гарнизона. Было подано шампанское, произнесены подобожающие случаю речи, а солдатам розданы кисеты с подарками - папиросами, махоркой и мылом. Раздалась команда "по вагонам", прозвенел третий звонок, паровоз протяжно свистнул и эшелон, поскрипывая обмерзшими буферами, тронулся в далекий путь.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

К

роме офицеров нашей батареи, с эшелонном ехал младший врач бригады, призванный из запаса доктор Гогин.

Доктор оказался очень симпатичным, но проповедывал довольно либеральные для нашего общества идеи, чем сразу вооружил против себя Сахарова.

Прапорщик наш любил похвастать своим патриотизмом, подчеркивая при каждом удобном случае, что, хотя он и мог "при своем капитале" отделаться от мобилизации, но, как добрый патриот, принес себя в жертву отечеству.

Офицеры наши были самых правых убеждений, но, ненавидя Сахарова за вечное нытье и, в особенности, за подозрительные "гешефты" с солдатским продовольствием, все они при столкновениях прапорщика с доктором принимали сторону последнего. Сахаров страшно этим возмущался и шел искать защиты у командира. Но Деггелер, озабоченный хозяйственными расчетами, не обращал внимания на жалобы прапорщика и, желая перевести разговор на другие, более приятные, темы, приглашал Сахарова в свое купе "пропустить по маленькой". За этим любезным занятием прапорщик вскоре забывал свои обиды и успокоившись строил новые планы увеличения секретных экономических сумм.

Обычно столкновения доктора с Сахаровым начинались рассуждениями о наших военных неудачах. Гогин, перечисляя ошибки высшего командования, предсказывал ожидающий нас в Манджурии полный разгром. Сахаров, горячась и размахивая руками, возражал и доказывал, что наши солдаты горят желанием отомстить врагу,

поэтому не может быть и речи об окончательном поражении. Наши неудачи он объяснял исключи- тельно неравенством сил и выражал уверенность в разгроме японцев, как только на театр воен- ных действий придут вновь мобилизованные корпуса.

- Полно вам, прапорщик, поражать перстом супостатов, - говорил доктор: дело совсем не в том, что у японцев на две - три дивизии бо- льше, чем у нас, а в том, что, во первых, каж- дый японец знает за что он воет, во вторых, с радостью идет в бой и, в третьих, верит в своих начальников. А полюбуйте-ка на наших "курлябчиков" /так называл фельдфебель Оцепа призванных из запаса польских крестьян/, ко- торые, по вашему, горят желанием сразиться с супостатом. Да ведь они волками воют в теплу- шках и проклинают совсем не японского Микадо, а скорее нас с вами !

- Что с вами спорить, перебивал его Са - харов: вы - нигилист и радуетесь каждому пора- жению России. Я и говорить с вами больше не хочу !

Но доктор был прав. Отбывая дневальст- ва в теплушках моего взвода, я наблюдал за настроением наших солдат и видел, как они "рвались в бой". Три четверти из них были крестьянами Седлецкой, Ломжинской и Люблин- ской губерний и плохо говорили по русски. Бу- дучи отцами семейств /некоторые имели даже же- натых сыновей/, они тосковали по оставленным хозяйствам и целыми днями мрачно молчали, по- куривая трубки и греясь у печки. Ни смеха, ни песен никогда не доносилось из их теплушек. Но "курлябчики" оказались, однако, более дис- циплированными, чем наши кадровые солдаты. Последние, люди молодые и в большинстве неже- натые, ехали на войну с легким сердцем, все время горлачили песни, играли на гармониях, шутили и смеялись, но одновременно - жестоко

пьянствовали и почти на каждой большой станции устраивали дебоши. Ежедневно на тех разъездах, на которых наш эшелон простаивал по несколько часов, пропуская вперед пассажирские поезда, фельдфебель Иван Иванович Оцепа выстраивал перед окнами офицерского вагона шеренгу протрезвившихся буянов, осужденных простоять положенное число часов "под шашкой".

Право наложения такого наказания принадлежало по уставу лишь командиру и старшему офицеру, но в нашей батарее большинство поставленных под шашку было наказано прапорщиком Сахаровым, который сам постоянно находился в полупьяном состоянии.

Гогин открыто возмущался этим, но Сахаров отвечал доктору, что он по долгу службы обязан наказывать солдат и что такими наказаниями он "подымает дух батареи".

По расписанию мы должны были прибыть в Мукден на 40-й день, но уже вскоре после Вязьмы начали сильно опаздывать, а в Челябинск при были с опозданием на 48 часов.

Перевозка войск на театр военных действий происходила удивительно медленно и небрежно. Казалось, что мы хотели показать Европе, что события на Дальнем Востоке нас совершенно не беспокоят. Следуя по однопутному пути, эшелоны простаивали часами на каждом разъезде, не только ожидая встречные, но и пропуская вперед все пассажирские и даже товарно-пассажирские поезда. Такой порядок можно было еще какнибудь оправдать в Европейской России, где и движение было более интенсивным и где задержка пассажирских поездов отражалась на согласовании их в узловых пунктах. Но на Самаро-Златоустовской и Сибирской дорогах, на которых в то время не было ни одного узлового пункта, это ничем не оправдывалось.

К концу 1904 года Сибирская, Забайкальская и Вост.Китайская дороги, несмотря на одну